

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ЦАРСТВОВАНИЯ: внешние влияния и самостоятельные решения

Исследовательские оценки личности Николая II, его манеры общаться с ближайшим окружением и принимать политические решения по-прежнему остаются в плену давних стереотипов. Так, в опубликованной недавно статье В.Л. Степанова утверждается, что «Николай II вступил на престол, не имея никакой определенной политической программы». Кончина отца будто бы «застала цесаревича врасплох». Молодой государь «не ощущал себя способным принять тяжкое бремя власти», поскольку при жизни Александра III его участие в делах управления империей «ограничивалось во многом формальным членством в высших бюрократических инстанциях» (прежде всего в Особом комитете для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем, а также Комитете Сибирской железной дороги). Это подтверждается словами самого Николая II, приведенными в воспоминаниях вел. кн. Александра Михайловича: «Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами». «В этой ситуации, — отмечает Степанов, — молодой самодержец стремился получить поддержку от лиц из своего ближайшего окружения»¹.

Однако председательство цесаревича в созданном в 1891 г. Особом комитете для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем, отнюдь не выглядело «формальным». Более того этот пост был для него чрезвычайно полезен, с точки зрения приобретения опыта работы с ключевыми представителями высшей бюрократии, по возвращении из путешествия на Восток. В работе Особого комитета участвовали министр внутренних дел И.Н. Дурново и его товарищ В.К. Плеве (заведовавший делопроизводством комитета), министры императорского двора и государственных имуществ гр. И.И. Воронцов-Дашков и М.Н. Островский, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. «Самое интересное в заседаниях, — вспоминал в эмиграции Д.Н. Любимов, служивший тогда при Особом комитете (впоследствии он стал правителем канцелярии министра внутренних дел и виленским губернатором), — это было наблюдение за председателем, будущим государем... Всегда спокойный, корректный, чрезвычайно воспитанный, наследник не выдавал ни своих симпатий, ни антипатий. К делу он относился с интересом, насколько это требовалось приличием; слушал всех внимательно, мнений своих не высказывал; соглашался при редких разногласиях с большинством. Председательствовал он очень добросовестно, ни разу не пропустил заседания, ни разу не опоздал; был даже случай, когда он приехал первый... С членами он был отменно вежлив, называл всех по имени и отчеству, нам, сидящим за отдельным столом, всегда кивал приветливо каждому». Похоже, цесаревич стремился освоить делопроизводственную культуру и выработать подобающую манеру общения с подданными. В каких-то случаях наследник престола от души смеялся (например, после уморительного рассказа Победоносцева о том, как Л.Н. Толстой читал крестьянам «Власть тьмы», или от поведенной Островским занятой истории о правителе канцелярии симбирского губернатора, прослывшем, благодаря военному министру Н.О. Сухожанету, вольнодумцем за гастрономическую неумеренность). Однако в других случаях сдерживал улыбку, не нарушая «своей корректной замкнутости»².

В январе 1894 г. Александр III заболел пневмонией. Около полутора недель он не мог читать министерские доклады, и цесаревичу пришлось замещать отца. 17, 20 и

* Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

24 января он читал доклады по Военному и Морскому министерствам и МВД³. Возможность передачи наследнику престола некоторых функций императора напряженно обсуждалась в середине января представителями высшей бюрократии. Еще 16 января член Государственного совета А.А. Половцов записал в дневнике о состоявшемся в тот же день разговоре с вел. кн. Владимиром Александровичем, который указал на необходимость освободить болевшего императора от работы с «ежедневно присылаемыми ему бумагами». Половцов полагал, что решить эту задачу возможно, лишь предоставив цесаревичу право делать резолюции на докладах министров. При этом он ссылаясь на прецедент: отправляясь в 1844 г. на лечение в Палермо, Николай I распорядился «о передаче управления» наследнику, будущему Александру II, которому тогда было 25 лет, как и цесаревичу Николаю Александровичу в 1894 г. На следующий день обсуждение вопроса было продолжено в приемной председателя Государственного совета при участии великих князей Михаила Николаевича и Владимира и Алексея Александровичей. Председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич попросил Плеве, занимавшего тогда уже пост государственного секретаря, навести дополнительные «справки». Половцов уточнил, что в 1844 г., согласно Полному собранию законов, доклады утверждались с формулировкой: «По соизволению его императорского величества наследник-цесаревич утвердить соизволил». Вел. кн. Алексей Александрович вспомнил, что вел. кн. Константин Николаевич в отсутствие императора «исполнял эти обязанности при участии двух ассистентов». Но Половцов обратил внимание на то, что это имело место во время русско-турецкой войны, когда цесаревич «находился на театре военных действий». Вел. кн. Михаил Николаевич рассказал, как в 1861 г. ему было поручено «приглашать министров для обсуждения дел во время отсутствия государя». Дальнейшее обсуждение было прервано прибытием наследника, в присутствии которого собравшиеся заговорили о «здоровье государя, несколько улучшившемся». Тем не менее вел. кн. Михаил Николаевич просил Половцова зайти к нему по окончании заседания. Направляясь в приемную великого князя, тот встретил председателя Департамента государственной экономии Д.М. Сольского и члена Государственного совета Е.А. Перетца (оба, как и Половцов, – бывшие государственные секретари), также приглашенных для рассмотрения «вопроса о временном исполнении» цесаревичем «обязанностей правителя».

Сольский сперва убеждал собравшихся в необходимости «комиссии» при цесаревиче. Половцов же возражал – «нет никакого основания оскорблять самолюбие молодого человека», способного по действующим законам уже 10 лет быть самодержавным правителем. По его мнению, именно «такими мерами накапливается в сердце горечь, творящая характер Павла Петровича». К тому же смысл законодательства о престолонаследии «слишком ясен», а потому «неуместно возбуждать вопрос», провоцировавший смуты даже в Англии XVIII в., а в России и подавно чреватый «великими неудобствами». Сольский опасался, что многочисленные ежедневно приходящие бумаги рискуют «показаться обременительными для цесаревича». Половцов, напротив, полагал, что наследник «будет очень доволен получением занятий, ныне для него весьма недостаточных». Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге, пришедший несколько позже остальных, не принимал активного участия в беседе и обещал лишь «собрать справки» о том, что и в каких случаях цесаревичу надлежит делать. Председатель Государственного совета, не желая касаться дел, имевших хотя бы «малейшую щекотливость» и зная о доверительных отношениях между цесаревичем и Бунге, просил его «переслать эти справки непосредственно цесаревичу»⁴.

Неизвестно, как дальше шло обсуждение вопроса, кто и в какой форме докладывал об этом императору и каким именно было решение Александра III⁵, но уже в тот же день, 17 января, вел. кн. Николай Александрович впервые работал с докладом военного министра, хотя при этом и отсутствовал личный контакт, от которого многое зависело в государственной машине империи.

Конечно, уровень компетенции и практических навыков цесаревича как будущего самодержца оставлял желать лучшего. Во многом это стало результатом того, что Алек-

сандр III вплоть до последнего дня своей жизни избегал наставлять сына о его будущих обязанностях. И это несмотря на то что сам наследник, вопреки расхожему мнению о якобы присущей ему «властебоязни», осенью 1894 г. неоднократно обращался к отцу, прося передать ему хотя бы какие-то функции. Так, 26 сентября Победоносцев писал московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу о состоявшемся в тот же день разговоре с цесаревичем. Обер-прокурор убеждал наследника престола, что теперь ему «надо выступить», т.е. государя «устранить от текущих дел управления», а самому «быть в Петербурге и заняться этими делами». На это наследник ответил: «Я готов»⁶.

14 октября находившийся в Ливадии сын министра двора, ровесник и друг цесаревича гр. Иван Воронцов-Дашков сделал в дневнике запись о беседе с англичанином Чарльзом Хисом, воспитателем и преподавателем английского языка детей Александра III. Хис выразил убеждение, что «государь должен был раньше передать наследнику хоть некоторые дела». Об этом он лично говорил вел. кн. Николаю Александровичу, который «два раза просил государя, но государь не хотел»⁷. Безусловно, то, что Хис посмел обратиться с подобным советом к цесаревичу, вызывает недоумение. Однако не исключено, что англичанин, состоявший при своих воспитанниках еще с 1877 г., имел с ними доверительные отношения, а потому счел возможным дать такую рекомендацию.

В конце октября Николай II жаловался вел. кн. Владимиру Александровичу на затруднительное положение из-за отсутствия должной подготовки, а также «отдаления от дел, в коем его доселе держали»⁸. Через полтора с лишним месяца после смерти Александра III вел. кн. Константин Константинович спросил у Николая II, давал ли отец перед кончиной какие-либо советы. Император ответил отрицательно. Более того, покойный государь даже «ни разу и не намекнул» наследнику «о предстоящих обязанностях». О. Иоанн Янышев спрашивал перед исповедью умиравшего императора, «говорил ли он с наследником». На это Александр III сказал: «Нет, он сам все знает». Кстати, и прежде, отправляя цесаревича в заграничные поездки, «отец никогда не давал ему наставлений и предоставлял действовать, как вздумается». От такой свободы цесаревичу «бывало и легче, и труднее»⁹. Правда, 20 октября близкий к императору гр. С.Д. Шереметев записал в дневнике, что перед смертью Александр III «долго говорил с наследником и видел Воронцова»¹⁰.

Таким образом, не было ни паники, ни причитаний наподобие тех, о которых вспоминал вел. кн. Александр Михайлович (и эти, и многие другие сведения в его крайне тенденциозных мемуарах нуждаются в дополнительной проверке). Была скорее досада из-за своей неоправданной отдаленности от государственных дел даже тогда, когда дни отца были уже сочтены. Беспокойство о том, что «подхватывание» наследником функций угасавшего государя непростительно затягивалось, выражалось и членами Императорской фамилии. Например, вел. кн. Михаил Николаевич в конце сентября писал сыну Александру, находившемуся в Боржоме: «Что же будет в Питере, кто будет управлять Россией, как это все устроится? Неужели Ники ничего об этом не знает и с ним об этом не говорят? Это более чем странно, и меня тоже очень озабочивает! Ведь подобное важное дело не может устроиться само собою, как-нибудь, без подробных и точных указаний и приказаний самого государя!»¹¹.

Готовность цесаревича при необходимости взять на себя какие-то обязанности самодержца подтверждается и тем, как он принял решение отправиться с родителями в Ливадию. Императорская семья прибыла в крымскую резиденцию 21 сентября из Спалы, откуда цесаревич первоначально планировал поехать к невесте в Дармштадт. Гр. Воронцов-Дашков решительно возражал против этого. «Наследник уже принял решение отправиться в Дармштадт, как только император уедет в Крым, — сообщал он 11 сентября жене гр. Е.А. Воронцовой-Дашковой, — и сказал мне сегодня (когда я умолял его использовать свое влияние, чтобы поспособствовать отъезду его отца), что понимает необходимость этого, но что ему так трудно говорить об этом, так как могут подумать, что он торопит отъезд родителей для того, чтобы поскорее уехать самому к невесте. На это я ответил ему, что существует весьма простой способ избежать этого обвине-

ния – уехать вместе с родителями. На это не последовало никакого ответа. Я должен признать, что влюбленному молодому человеку очень нелегко отказать себе во встрече с любимой девушкой, но когда твой отец так серьезно болен и, сверх того, является императором, а сам этот молодой человек является наследником престола?.. Все эти соображения долга должны были бы заставить его остаться [в России]»¹². 15 сентября вел. кн. Николай Александрович резко изменил свое решение. «Целый день во мне происходила борьба между чувством долга остаться при дорогих родителях и поехать с ними в Крым и страшным желанием полететь в Вольфсгартен к милой Алике! – написал он об этом в дневнике. – Первое чувство восторжествовало, и, высказав его мамá, я сразу успокоился!» Далее наследник отметил в дневнике, что прибывший в тот же день из Германии доктор Э. Лейден при осмотре Александра III помимо болезни почек, диагностированной ранее Г.А. Захарьиным, обнаружил «нервное расстройство – переутомление от громадной и неустанной умственной работы». Вероятно, именно эти слова Лейдена убедили наследника престола в необходимости быть рядом с отцом в Ливадии. «Пришлось, – подводил он итог, – изменить свои планы и написать обо всем Алике!»¹³.

Между тем, несмотря на явное нежелание Александра III готовить сына к возможно скорому вступлению на престол, какие-то шаги в этом направлении все-таки предпринимались. Сведения о них, впрочем, чрезвычайно фрагментарны. На некоторые факты указывает И.В. Лукоянов¹⁴. В дополнение можно привести еще три свидетельства. Так, 3 октября гр. Шереметев записал в дневнике, что 25 сентября было принято решение об отъезде Александра III на Корфу, дабы провести там зиму, и «в то же время произнесено слово “регент-регентство”, и назван наследник»¹⁵. В сохранившейся телеграмме, отправленной кем-то Воронцову-Дашкову в сентябре или начале октября, говорилось: «Слух о регентстве с ответом производит удручающее впечатление, осуществление его преступно». А в записной книжке министра двора имеется запись пером (с пометой красным карандашом на полях: «секр[етно] [18]94»): «Передача части дел рескриптом цесаревичу»¹⁶. Однако признание цесаревича своего рода регентом при отце звучало бы как объявление о неизбежности скорой смерти императора. В то же время буквально за несколько дней до кончины Александра III, накануне прибытия в Ливадию принцессы Алисы Гессенской, императрица писала Воронцову-Дашкову о состоянии мужа: «Он чувствует себя, благодарение Богу, лучше и провел день хорошо. Бог даст, [надеюсь на] спокойную ночь и продолжение этого маленького улучшения. Он идет на поправку и вполне в духе»¹⁷. Таким образом, представления о неготовности вел. кн. Николая Александровича к вступлению на престол и об отсутствии у него какого бы то ни было опыта в государственных делах сильно преувеличены. Между тем именно из этого расхожего мнения делается вывод о том, что молодой государь якобы нуждался в чьей-то поддержке и поэтому оказался «между» кем-то «на распутье».

При анализе влияний на Николая II в первые недели царствования важно учитывать, что его воцарение произошло в Ливадии, в окружении находившихся там лиц, но уже спустя несколько дней, по возвращении в столицу, вокруг трона стали складываться совершенно иные политические конфигурации. В Ливадии решающую роль играли императрица Мария Федоровна и гр. Воронцов-Дашков. В ноябре 1894 г. министр двора рассказывал на охоте Половцову, что «со времени переезда в Ливадию» Александр III не имел контактов с приближенными. Только утром 20 октября министр двора был вызван к умиравшему и находился возле государя «безвыходно» до самой его кончины¹⁸. По-видимому, весь этот месяц пребывания в Крыму императрица оставалась единственным интерпретатором царской воли. На втором месте по степени влияния находился гр. Воронцов-Дашков¹⁹.

17 октября гр. Шереметев отметил в дневнике, что министр двора «при многих достоинствах очень упрям», «чересчур много берет на себя и бравирует». Хотя его побуждения были, по мнению графа, «самые благородные», однако «самоуверенность велика». «Корень всей неурядицы» Шереметев усматривал в «отсутствии настоящих отношений между императрицей и Воронцовым»: если бы они действовали согласованно, «дело бы двигалось правильно». По словам Шереметева, многие стремились

повлиять на Марию Федоровну «во вред Воронцову», завидуя его положению «при государе». Так, обер-прокурор «шипит» в адрес министра двора: «Он игнорирует наследника». «Все обвиняют Воронцова» в замалчивании обстоятельств жизни больного. Между тем, когда находившийся в Ливадии о. Иоанн Кронштадтский причастил Александра III, министр двора хотел предать этот факт огласке; императрица же решила, что это «не нужно». Симпатизировавший министру двора Шереметев признавал: «Даже в такую серьезную минуту» Воронцов-Дашков был «слишком самолюбив, чтобы победить себя в отношениях» с императрицей²⁰.

Именно гр. Воронцов-Дашков руководил составлением манифеста о восшествии на престол Николая II²¹. Находившийся возле кабинета, в котором только что скончался Александр III, адъютант вел. кн. Сергея Александровича В.Ф. Джунковский вспоминал: «Наконец, отворилась дверь, вышел гр. Воронцов, вскоре вернулся с бумагой. Минуты через две Воронцов опять вышел – цесаревич подписал манифест о вступлении на престол»²². Как рассказывал 15 ноября 1894 г. Половцову кн. А.К. Имеретинский, министр двора говорил Победоносцеву, что лично писал манифест 20 октября. Однако кн. Л.Д. Вяземский, начальник Главного управления уделов Министерства императорского двора, «на скромность которого Воронцов рассчитывал», принялся утверждать, что манифест сочинил именно он. Затем, «когда это известие распространилось», «истинным автором манифеста» стал выставлять себя некто Ваганов, подчиненный кн. Вяземского²³.

Сразу же после смерти Александра III гр. Воронцов-Дашков сник и стал безучастно относиться ко всему, происходившему вокруг него. Видимо, он предчувствовал, что не сможет сохранить прежнего влияния при новом монархе. Вечером 20 октября у начальника дворцовой охраны П.А. Черевина обсуждался вопрос, останавливаться ли по пути в Петербург в Москве, а если останавливаться, то где выставлять гроб – в кремлевском Архангельском соборе или в Храме Христа Спасителя. Гр. Воронцов-Дашков долго не мог принять решение и был, по словам Шереметева, «вял», как, впрочем, и всегда «по обычаю в таких вопросах». В конце концов, его «уломали» на Архангельский собор²⁴.

В первые же дни после прибытия императора в Петербург гр. Воронцов-Дашков, как рассказывала его жена 8 ноября гр. Шереметеву, «имел откровенный разговор с государем». Министр двора прямо заявил о негативном отношении к нему со стороны особ Императорской фамилии. «Я это знаю», – ответил Николай II. Однако император настаивал, чтобы гр. Воронцов-Дашков оставался на своем посту. Тем не менее министр предупредил государя о своем намерении вновь поставить вопрос об отставке после коронации. «Государь удержал», – сказал через 2 дня гр. Шереметеву сам министр двора, излагая подробности этой аудиенции. «Самое существенное: государь знает, что семейство не сочувствует Воронцову, и тем не менее удерживает его», – заключал гр. Шереметев²⁵.

Если позиции гр. Воронцова-Дашкова после смерти Александра III заметно ослабели, то политическая судьба Победоносцева складывалась противоположным образом. Степанов отмечает, что в Ливадии у одра государя обер-прокурор оказался невосстребованным, но после 20 октября попал «в поле зрения нового самодержца» и «начал набирать вес в “верхах”»²⁶. До кончины Александра III Победоносцев действительно находился в Ливадии точно в опале. Прибывшему в крымскую императорскую резиденцию 9 октября гр. Шереметеву сразу же бросилось в глаза поведение обер-прокурора: «Победоносцев мрачен, но спокоен», «ходит, как прокаженный», нет «ни одной сочувственной ему души». Обер-прокурор, похоже, опасался испортить отношения с всесильным министром двора и старался ни в чем ему не перечить. Победоносцев вечером 13 октября «на ухо» поведал гр. Шереметеву о написанной им статье о болезни государя. Константин Петрович ознакомил с этой статьей цесаревича и намеревался опубликовать ее в «Правительственном вестнике». «Только не говорите Воронцову», – просил обер-прокурор гр. Шереметева. Беседуя с ним 18 октября, Победоносцев стал «не ко времени» критически говорить о больном государе, в частности, вспомнил, как император вычеркнул из проекта коронационного рескрипта слова о нем как о своем «наставнике», «сказав, что это неточно». «Какова память – но какова и мелочность государственного человека», – изумлялся гр. Шереметев²⁷.

Сразу же по восшествии на престол Николая II положение Победоносцева радикально изменилось. Безусловно, здесь сыграли свою роль и прежние тесные контакты ученика с учителем. Однако гораздо большее значение для Николая II имело все, что касалось его невесты и будущей женитьбы, особенно в первые дни после кончины отца, когда вопрос о дате свадьбы бурно обсуждался членами Императорской фамилии. Победоносцев же несколькими месяцами ранее, узнав о помолвке цесаревича в замке Розенау под Кобургом 8 апреля, не просто одним из первых поддержал его выбор, но и тут же набросал целый сценарий представления Алисы Гессенской русскому обществу. Принцесса должна была, по мысли обер-прокурора, не только приблизить наследника престола к подданным, но и поправить его репутацию, задетую пересудами о романе с Матильдой Кшесинской. 11 апреля Победоносцев писал вел. кн. Сергею Александровичу, что после «всего прошедшего у цесаревича» появление у него невесты «теперь особенно великое дело». Обер-прокурор подчеркивал, что отношение к Алисе в России будет отличаться от восприятия Дагмары. Датская принцесса прочно ассоциировалась в общественном мнении с «поэтической легендой, соединенной с памятью» о скончавшемся старшем сыне Александра II, образ ее нового жениха, цесаревича Александра Александровича, «был и тогда известен – и он был связан с тою же поэтической легендой умирающего брата и друга». В 1894 г. ситуация была совершенно иная: «Нынешний цесаревич в тени, и образ его бледен в представлении народном, совсем бледен. Тем живее выступит теперь образ его невесты, и пока не узнают его, на ней будут держаться надежды народные»²⁸. Цесаревич наверняка знал от дяди об этом письме и, по-видимому, сумел его оценить.

Неудивительно, что именно Победоносцеву было поручено составить второй манифест Николая II – о принятии православия Алисой Гессенской²⁹. Вероятно, при этом учитывалось не только то, что содержательно он «проходил» по духовному ведомству. К тому же и сам Победоносцев, видимо, догадываясь о приоритетах императора, поторопился напомнить ему о себе новым предложением. Сразу же после кончины Александра III обер-прокурор передал царю записку, в которой настоятельно рекомендовал провести обряд перехода Алисы Гессенской в православие на следующий же день. Победоносцев ссылаясь на то, что 21 октября – день восшествия императора на престол (точнее, первый полный день нового царствования) – «считается днем нетраурным». «Что препятствует завтра же совершить священнодействие? – вопрошал Константин Петрович. – Оно не требует ни оповещения, ни присутствия многочисленных официальных свидетелей, может совершиться просто и тихо; вся семья собрана теперь в Ливадии. Приготовлений никаких не нужно». Особо указывалось, что миропомазание государевой невесты никоим образом не должно оскорбить чувств вдовствующей императрицы, поскольку «не требуется никаких особых церемоний, которые смутили бы душу ее»³⁰. По свидетельству Джунковского, на состоявшемся 21 октября миропомазании Алисы Гессенской траура действительно не было: «Все были в парадной форме, без траура; дамы в белых платьях»³¹.

Однако в столице об укреплении положения Победоносцева узнали, видимо, далеко не сразу. 29 октября приехавший от митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия генерал А.А. Киреев говорил вел. кн. Константину Константиновичу, будто в духовном ведомстве великого князя прочат «на место Победоносцева», причем очень того желают. Вел. кн. Константин Константинович записал в дневнике, что «сам бы не прочь», однако не хочет расставаться с Преображенским полком, командование которым пришлось бы оставить³². Скорее всего, Киреев передавал не собственное мнение, а некое пожелание архиереев, которые мысленно уже простились с прежним обер-прокурором³³.

По приезде в Петербург Николай II решил показать столичному обществу и прежде всего великим князьям свою полную самостоятельность. 29 октября Половцов со слов «достоверного повествователя» записал в дневнике, что Николай II – «усердный поклонник императора Николая I». Поэтому он «с большим сочувствием» относится к любимой невестке этого государя – вел. кн. Александре Иосифовне. Ей Николай II будто бы «сказал, что ему надоели советы дядей и что он им покажет, как обойдется без этих

советов»³⁴. 3 ноября гр. Шереметев отметил, что Императорская фамилия «озадачена» той манерой держаться, которая была избрана Николаем II: «Многим не дал руки и кивнул». Граф сделал вывод, что ««юный император», по-видимому, не нуждается в опеке»³⁵.

На приеме в Зимнем дворце 9 ноября император заявил, что «ничего не хочет ломать», и если с чем-то, «будучи наследником, он не соглашался», то теперь считает необходимым это «хорошенько изучить и, во все вникнув, изменять постепенно, но настойчиво». Говоря с греческой королевой Ольгой Константиновной, сестрой вел. кн. Константина Константиновича, о предстоящем через три дня первом докладе вел. кн. Алексея Александровича, император заметил, что с ним «возможно несогласие по некоторым вопросам», в частности, по поводу строительства порта в Мурмане, а не в Либаве, но «лучше пожертвовать одним человеком, хотя бы дядей, чем пользою государства»³⁶.

История формирования столь безапелляционно высказанного мнения императора прослеживается по воспоминаниям С.Ю. Витте. Во время его первой аудиенции Николай II попросил вернуть подготовленный министром финансов для Александра III доклад о строительстве порта в Екатерининской гавани (в Кольском заливе Баренцева моря, напротив месторасположения современного Мурманска). На докладе, с которым цесаревич ознакомился еще в Беловеже, сохранились «некоторые резолюции» Александра III. Витте ответил, что доклада у него нет, так как покойный государь оставил его у себя. На следующей аудиенции Николай II сказал, что нашел доклад и намерен осуществить устройство «морского опорного пункта» в Екатерининской гавани, отказавшись от строительства такого порта в Либаве, где легко заблокировать военные корабли в случае боевых действий на Балтике. По поводу либавского порта тогда высказывались две точки зрения. В Министерстве финансов считали, что такой порт России не нужен. Главный начальник флота и морского ведомства вел. кн. Алексей Александрович придерживался противоположного взгляда. Витте просил Николая II не торопиться, поскольку вел. кн. Алексей Александрович был «очень близок к вдовствующей императрице», и поспешный шаг в болезненном для него вопросе мог возбудить «разлад в царской семье в первые же недели после смерти императора Александра III». К тому же, полагал Витте, излишняя торопливость с предпочтением Екатерининской гавани Либаве вызовет толки о том, что император «только что вступил на престол», вряд ли успел должным образом изучить вопрос, а значит, «действует под чьим-нибудь влиянием». Николай II не видел для этого оснований, так как он собирался поступать в соответствии с оставленной отцом резолюцией. Вместе с тем император нашел соображения министра финансов «довольно уважительными» и выразил готовность «немножко повременить» с решением³⁷.

Привыкание к публичности протекало для Николая II тяжело, с просчетами и оплошностями. Однако производимое такими неудачами впечатление не следует рассматривать как доказательство его неподготовленности или неспособности управлять страной. К тому же восприятие всегда чрезвычайно субъективно и часто определяется тем, что хотят увидеть. Первые речи Николая II по-разному оценивались им самим и его окружением. 31 октября, проезжая через Москву, он выступил перед представителями сословий в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Судя по дневниковой записи, из-за необходимости произносить речь он «утром встал с ужасными эмоциями», однако все «сошло, слава Богу, благополучно»³⁸. А вел. кн. Константин Константинович «слышал» иную оценку: эта «краткая речь» в Кремле «была сказана громким, явственным, уверенным голосом»³⁹. 2 ноября, уже в Петербурге, император встретился с членами Государственного совета. «Пришлось опять говорить!» – сетовал он в дневнике⁴⁰. Вел. кн. Константин Константинович отметил, что, «принимая Государственный совет», император «обратился к нему с прекрасным словом»⁴¹. В то же время очевидцы передавали А.В. Богданович, что Николай II «вышел сконфуженный, но твердо сказал свою небольшую речь». Через 2 недели, когда произошедшее успело обрасти подробностями, Богданович сделала более резкую запись: «Царь вышел сконфуженный, речь сказал неуверенно, беспокойно». По мнению не названных ею министров, император держал себя при выступлении «вяло»⁴².

Естественно, репутация императора страдала даже в тех случаях, когда в его ошибках были виноваты другие лица. Так, 12 ноября в Зимнем дворце состоялся, по словам Киреева, «очень неудачный дебют царя с дворянством». Приехавшие на похороны Александра III дворяне «хотели видеть царя». Однако им было сказано, что никаких приемов не предполагается, хотя, как считал Киреев, «дураку Дурново нужно было настоять на приеме дворян». Между тем министр внутренних дел «не только этого не сделал, но еще утверждал государя в ошибочном намерении не принимать дворян», возможно, из «опасений насчет того, что дворяне потребуют конституции». В результате глава МВД «объявил собранным дворянам, что государь их благодарит». Тогда некоторые стали роптать, говоря, «что они за сотни верст приехали, чтобы видеть государя». Министр же отрезал, что «не имеет ничего более сказать». После таких слов один из предводителей дворянства обратился к своему земляку Черевину, и начальник дворцовой охраны «уговорил государя принять дворян». Тем временем «многие дворяне уже уехали», но, узнав про все-таки намеченный прием, «некоторые вернулись». В декабре, вероятно, под воздействием распространявшихся слухов Киреев занес в дневник новые подробности случившихся 12 ноября промахов. Помимо дворян, император принимал «разные другие депутации». Размещая их в Николаевском зале Зимнего дворца, Дурново запутался и назвал представителей Новороссийского университета депутацией дворянства. В результате, по словам присутствовавшего при этом министра народного просвещения И.Д. Делянова, «вышло комично». «Представление кончилось ничем, – подвел итог Киреев, – государь не сказал никакого приветствия, кое-кому сказал два-три слова, конечно, ошибся, Дурново не умел выручить. Впечатление, оказывается, вышло очень печальное, а ведь было очень легко выйти из затруднения, найти, что сказать, тем более что царь, говорят, изъясняется легко и совершенно свободно»⁴³.

Судя по тому, как проходило погружение Николая II в его новые обязанности, он не ощущал нехватки делопроизводственной квалификации. Тяжело вздыхая по поводу навалившихся на него дел, он не уклонялся от них. 23 января 1895 г. император писал брату, цесаревичу Георгию, в Абастуман: «Работы у меня по горло, но благодаря Бога, я с нею справляюсь довольно легко. Приемы только – по средам и пятницам – доедают меня! Я помню, как дорогой папá их не терпел – как я его понимаю теперь!» Император делился с братом и сожалением об утраченной теперь возможности погружаться в повседневную жизнь войск. «Да, тяжело переламявать себя, – писал он, – когда прежде все мои помыслы только и тянули к военной службе без различия родов оружия; одну ее я обожал, ей одной я был душою предан! Именно ее-то я лишился! Помимо всего прочего, это сознание, что я навсегда оторван от близкой жизни с войсками, прибавило немало горечи к моей тяжелой участи»⁴⁴.

Император, может быть, даже преднамеренно с избытком, ради самовоспитания, обременял себя сугубо канцелярской работой. Богданович занесла 30 октября в дневник, что новый император «очень “письменный”, все ответные депеши сам пишет». Эту запись она сделала со слов чиновника Министерства финансов Н.И. Самойловича, процитировавшего воспитателя Николая II генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича⁴⁵. Николай II с первых же дней демонстрировал знание тонкостей делопроизводства и не стеснялся переадресовывать вопрос в соответствующие инстанции, если не чувствовал себя достаточно компетентным. Уже в конце ноября 1894 г. в околоправительственных кругах рассказывали, как он, читая доклад Витте, «на всех бумагах написал, куда их направить: одни – в Госуд[арственный] сов[ет], другие – в Ком[итет] м[инистро]в». Другой доклад министра финансов, в котором шла речь о проекте ссудой 10 млн руб., император направил на рассмотрение в Государственный совет, поскольку не чувствовал себя столь сведущим, как Александр III, способный «самоллично такие дела решать»⁴⁶. 17 декабря Победоносцев сообщал вел. кн. Сергею Александровичу о состоявшейся в тот же день аудиенции. Ober-прокурор призывал императора «беречь свои силы от множества бумаг, часто ненужных». На это Николай II ответил, что уже «начинает разбираться, приобретает “нюх” в бумагах и надеется устроиться с докладами и бумагами»⁴⁷.

Первым значимым политическим выступлением Николая II традиционно считается речь, произнесенная перед депутациями в Зимнем дворце 17 января 1895 г., когда прозвучали знаменитые слова о «бессмысленных мечтаниях». Степанов даже сравнивает ее с манифестом о незыблемости самодержавия 29 апреля 1881 г.⁴⁸ Однако политическим дебютом Николая II правильнее назвать произошедшую месяцем раньше отставку министра путей сообщения А.К. Кривошеина. Разумеется, сказанное 17 января всколыхнуло без преувеличения всю Россию, тогда как перестановки в Министерстве путей сообщения волновали лишь узкий круг столичного чиновничества и близких к правительству лиц. Но именно в обстоятельствах отставки Кривошеина впервые проявился собственный стиль Николая II.

По всей видимости, император желал преподнести хороший урок сановникам. Кандидатура Кривошеина была во всех отношениях удобна для показательного наказания. Его моральный облик, коррумпированность и манера обращения с подчиненными ни у кого не вызывали сочувствия и были общеизвестны. Как вспоминал являвшийся в рассматриваемое время управляющим делами Комитета министров А.Н. Куломзин, комментируя отставку министра путей сообщения, Николай II говорил о Кривошеине: «Он уже шесть месяцев, как у нас с отцом был на замечании»⁴⁹. Император как будто просто завершал задуманное отцом. Но если вспомнить, как высокопоставленные чиновники боялись покойного монарха, то прозрачный намек его сына должен был стать для них предельно понятным. Большой остротке способствовал и выбор момента отставки – 14 декабря, день именин министра и освящения домового церкви в его резиденции. Кривошеин получил уведомление о высочайшем повелении подать прошение об отставке в самый разгар торжественного приема, устроенного им для чинов его ведомства. Министр также был лишен придворного чина гофмейстера.

Оценивая отставку Кривошеина, Богданович писала: «Это страшный прецедент для будущего, это доказывает, что молодой царь не будет шутить». Однако она не могла совместить изощренность отставки с успевшей сложиться в общественном мнении репутацией Николая II как человека, не склонного к таким действиям. Поэтому ей виделось здесь влияние лиц, плетущих «интриги» и распространяющих «несправедливые наветы». Но вместе с тем общая оценка не вызвала у нее сомнения: «Тут царь поступил т[ак], к[ак] следовало»⁵⁰. Непосредственно причастный к подготовке увольнения Кривошеина Филиппов 19 декабря писал сыну Сергею: «Вчера “Прав[ительственный] вестник” напечатал об отставке Кривошеина: вера моя в правосудие государя блистательно оправдалась! Я никого не вижу; но мне сообщают случайные посетители, что радость общая и не знающая границ»⁵¹. Симптоматичную оценку произошедшего дал Богданович управляющий государственными сберегательными кассами Государственного банка А.П. Никольский. Он отметил, что отставка, полученная подобным образом, «заставляет говорить в городе» об «опасном знамении, напоминающем времена Павла I»⁵². Таким образом, она произвела нужный эффект, вызвав требовавшиеся чувства – от страха до упования на государеву справедливость.

Степанов высказал предположение, что отставка Кривошеина произошла «по настоянию Бунге», который буквально одновременно с Победоносцевым стал советником Николая II. С ним император будто бы «постоянно совещался» и обсуждал «важнейшие вопросы». Ссылаясь на воспоминания дослужившегося до должности исполняющего обязанности помощника управляющего делами Комитета министров Н.Н. Покровского, исследователь пишет: «Вопреки бюрократической традиции, председатель Комитета министров даже на некоторое время получил право регулярного утреннего доклада. Всепоподданнейшие доклады министров императору проходили теперь в его присутствии»⁵³. А.В. Ремнев даже утверждает, что председатель Комитета министров «имел в первое время ежедневные утренние доклады у молодого царя», хотя едва ли присутствовал при докладах министров. По мнению Ремнева, Д.А. Милютин занес в дневник этот слух, «по всей вероятности, выдавая желаемое за действительное»⁵⁴.

Ни о «регулярных», ни тем более о «ежедневных» докладах Бунге в конце 1894 г. в других источниках ничего не говорится. Должностные лица, которые просто не могли

бы не заметить участвовавших аудиенций председателя Комитета министров, если бы столь примечательная перемена в его положении действительно произошла, не упоминали об этом в своих дневниках, письмах и воспоминаниях. По данным камер-фурьерского журнала, с момента прибытия Николая II из Ливадии в Петербург до конца 1894 г. Бунге был у него только 4 раза – 3, 10, 30 ноября и 14 декабря⁵⁵. Тем более не подтверждается информация о присутствии председателя Комитета министров на чьих-то докладах. Скорее всего, напротив, слухи об усилении влияния Бунге возникли как раз вследствие его участия в деле Кривошеина⁵⁶.

15 декабря, узнав об отставке Кривошеина, Половцов записал в дневнике дошедшие до него «по слухам» подробности. Данные, на которых основывался доклад государственного контролера Филиппова⁵⁷, «как слышно», поступили от министра юстиции Н.В. Муравьева. Император вызвал Бунге, чтобы узнать, как происходило обсуждение отчета государственного контролера в Комитете министров. Итогом «общего всех сих лиц обсуждения» стало поручение Бунге дать указание управляющему Собственной его императорского величества канцелярией К.К. Ренненкампу «объявить Кривошеину, чтобы он подал в отставку». 27 декабря Витте рассказывал Половцову, что 10 декабря государственный контролер представил императору доклад с фактами, компрометировавшими министра путей сообщения. А 14 декабря Николай II пригласил председателя Комитета министров, «по совету коего и последовало увольнение Кривошеина»⁵⁸. Министр финансов, похоже, чересчур прямолинейно истолковал аудиенцию Бунге. Если миссия Ренненкампа состоялась после приема императором председателя Комитета министров, то из этого вовсе не следует, что решение об отставке Кривошеина было принято по рекомендации Бунге. В приведенном выше фрагменте дневника Половцова за 15 декабря недвусмысленно сказано, что Бунге был приглашен к Николаю II именно потому, что в Комитете министров до этого рассматривался доклад Филиппова о министре путей сообщения.

Схожим образом описывал случившееся Победоносцев, сообщая 17 декабря вел. кн. Сергею Александровичу о состоявшейся 4 дня назад беседе с вдовствующей императрицей. Мария Федоровна «сама заговорила о Кривошеине с ужасом и сказала, что государь возмущен и не хочет его видеть, ибо не может подать руки ему». На следующий день император вызвал председателя Комитета министров. «Это было очень умно», – отмечал Победоносцев, – ибо именно в Комитете министров, «у Бунге», рассматривался отчет государственного контролера. И уже затем Ренненкампу было дано поручение «съездить к Кривошеину и объявить ему, чтобы подал просьбу об увольнении»⁵⁹. Как вспоминал Куломзин, «добытые дознанием» факты, свидетельствовавшие о коррупционных сделках Кривошеина, рассматривались особой комиссией, возглавлявшейся Сольским, в состав которой входил и председатель Комитета министров. Комиссия сочла необходимым уволить министра путей сообщения, который «не догадался сам подать в отставку». Далее в воспоминаниях Куломзина сразу говорится о миссии Ренненкампа, совпавшей с освящением домового церкви у Кривошеина, и ни слова не сказано о том, как отреагировал на решение комиссии Сольского Николай II⁶⁰.

Сам Бунге в конце декабря признавался Половцову, что император не советовался с ним относительно кандидатуры преемника Кривошеина⁶¹. По словам Куломзина, «Бунге, не подавая прямо совета о назначении меня, предполагал, однако, что я буду назначен». Но председатель Комитета министров просчитался. Министром стал бывший главный инспектор железных дорог кн. М.И. Хилков, «сопровождавший всегда» при переездах императрицу Марию Федоровну и заслуживший ее доверие⁶². Уже 2 января 1895 г. кн. А.Б. Лобанов-Ростовский уверял Половцова, что назначение кн. Хилкова «можно считать делом оконченным»⁶³.

Куломзин же полагал, что после отставки Кривошеина его шансы занять освободившееся место «были очень велики». Дурново даже говорил близким знакомым Куломзина, что указ о назначении последнего «лежит на столе у государя и будто бы уже подписан». Однако, как передал ему Бунге, Витте во время доклада сказал Николаю II:

«Куломзин – хороший докладчик-бюрократ, человек кабинетный, но это не министр, у него нет распорядительности, он не может вести большого практического дела». Это и предредило выбор кн. Хилкова. К тому же Бунге характеризовал Куломзина как «человека самостоятельного», Витте же не был заинтересован в таком министре путей сообщения – ему нужна была фигура «с диаметрально противоположными качествами»⁶⁴.

В обстоятельствах отставки Кривошеина и назначения его преемника уже просматривалась характерная для Николая II стилистика, которая впоследствии неоднократно проявлялась при решении самых разных проблем. Она представляла собой сложное сочетание волевых импульсов с четким осознанием желаемого конкретного результата, предполагала максимальное использование аппаратных возможностей и допускала внешние влияния, эффективность которых возрастала по мере того, как реализация задуманного императором подходила к концу, а сам он начинал утрачивать интерес к делу. Вместе с тем обстоятельства первых двух месяцев царствования Николая II лишний раз свидетельствуют о сомнительности каких бы то ни было объяснительных схем, отталкивающихся от примитивного противопоставления либеральных и консервативных идей, начинаний и персон.

Примечания

¹ Степанов В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 150–151.

² Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. Коллекция Д.Н. Любимова. *Любимов Д.Н.* Русская смута начала девятисотых годов. 1902–1906. По воспоминаниям, личным запискам и документам. Л. 81–86.

³ Сообщения об этом в дневнике цесаревича см.: ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 232, с. 18, 21, 25.

⁴ Там же, ф. 583, оп. 1, д. 46, л. 31 об.–35 об. Автор благодарит О.Ю. Голечкову за возможность использования уточненных неопубликованных фрагментов дневника Половцова. Подробнее см.: *Голечкова О.Ю.* Дневник А.А. Половцова (1893–1909 гг.): источниковедческие и археографические проблемы реконструкции // Российская история. 2010. № 6. С. 171–179.

⁵ В дневнике цесаревича сделана лишь лаконичная запись: «Прочел по желанию папá доклад и приказы Военного министерства» (ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 232, с. 18).

⁶ Письма Победоносцева к Александру III с приложением писем к великому князю Сергею Александровичу и Николаю II. Т. II. М., 1926. С. 353.

⁷ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 3740, л. 11 об. Воронцов-Дашков называл собеседника «Гис». Однако нет сомнения, что в данном случае имелся в виду именно Чарльз Хис. О том, что англичанин-воспитатель находился тогда в Ливадии, см.: *Вельяминов Н.А.* Встречи и знакомства // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 292.

⁸ Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. 1934. Т. 6 (67). С. 170.

⁹ ГА РФ, ф. 660, оп. 1, д. 41, л. 161 об.

¹⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 36 об.

¹¹ ГА РФ, ф. 645, оп. 1, д. 81, л. 34–34 об.

¹² ОР РГБ, ф. 58, раздел 1, карт. 18, д. 6, л. 66–66 об.

¹³ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 233, с. 85–86.

¹⁴ *Лукоянов И.В.* Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX – начале XX вв. и власть (проблема правого реформаторства). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 45–46.

¹⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 2.

¹⁶ ОР РГБ, ф. 58, раздел 1, карт. 95, д. 14, л. 1 об., 3.

¹⁷ Там же, д. 4, л. 1 об.

¹⁸ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 47, л. 39–39 об.

¹⁹ И.В. Лукоянов считает, что гр. Воронцов-Дашков рассчитывал стать при Александре III «ведущим сановником и главным реформатором» (*Лукоянов И.В.* Указ. соч. С. 43). В другой работе исследователь даже использует выражение «первый министр» (*он же*. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреформам»? // Проблемы социально-экономической

и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С. 249).

²⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 27–28.

²¹ ПСЗ-III. Т. 14. № 11014.

²² ГА РФ, ф. 826, оп. 1, д. 43, л. 88.

²³ Из дневника А.А. Половцова. С. 175.

²⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 37–38.

²⁵ Там же, л. 53–55.

²⁶ Степанов В.Л. Указ. соч. С. 151.

²⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 8, 20, 28 об.

²⁸ Письма Победоносцева к Александру III... С. 348–349.

²⁹ ПСЗ-III. Т. 14. № 11015.

³⁰ Письма Победоносцева к Александру III... С. 303.

³¹ ГА РФ, ф. 826, оп. 1, д. 43, л. 89.

³² Там же, ф. 660, оп. 1, д. 41, л. 143 об.

³³ В конце царствования Александра III возможным преемником Победоносцева считался государственный контролер Т.И. Филиппов (*Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 295).

³⁴ Из дневника А.А. Половцова. С. 170.

³⁵ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 49.

³⁶ ГА РФ, ф. 660, оп. 1, д. 41, л. 149 об.–150.

³⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 395–396. Последовательность событий, изложенных в дневнике вел. кн. Константина Константиновича и воспоминаниях Витте, подтверждается дневниковыми записями самого императора. Так, первый доклад министра финансов состоялся в пятницу 4 ноября, на третий день по прибытии Николая II в Петербург. Следующий доклад – через неделю, 11 ноября. Первая аудиенция вел. кн. Алексея Александровича была в субботу, 12 ноября (*Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 46–47*).

³⁸ Дневники императора Николая II. С. 45.

³⁹ ГА РФ, ф. 660, оп. 1, д. 41, л. 145 об.

⁴⁰ Дневники императора Николая II. С. 45.

⁴¹ ГА РФ, ф. 660, оп. 1, д. 41, л. 145 об.

⁴² РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 264, л. 27 об., 41.

⁴³ ОР РГБ, ф. 126, д. 12, л. 2 об.–3, 3 об.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 675, оп. 1, д. 56, л. 1–1 об.

⁴⁵ *Богданович А.В.* Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 195.

⁴⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 264, л. 50 об.

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 253, карт. 29, д. 2, л. 5 об.

⁴⁸ Степанов В.Л. Указ. соч. С. 156.

⁴⁹ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 22–22 об.

⁵⁰ Там же, ф. 1620, оп. 1, д. 264, л. 74.

⁵¹ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 81, л. 53.

⁵² Там же, ф. 1620, оп. 1, д. 264, л. 78 об.

⁵³ Степанов В.Л. Указ. соч. С. 152.

⁵⁴ *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 402–403.

⁵⁵ РГИА, ф. 516, оп. 53/2048, д. 15, л. 659 об., 713, 761 об., 788 об.

⁵⁶ В частности, процитированная Ремневым запись в дневнике Милютин была сделана 22 декабря, т.е. уже после отставки министра путей сообщения (ОР РГБ, ф. 169, карт. 7, д. 3, л. 67).

⁵⁷ Доклад состоялся 10 декабря. В этот день император записал в дневнике о том, что «принял Филиппова по поводу весьма грустного и некрасивого дела Кривошеина» (*Дневники императора Николая II. С. 53*).

⁵⁸ Из дневника А.А. Половцова. С. 182, 184.

⁵⁹ ОР РГБ, ф. 253, карт. 29, д. 2, л. 6 об.–5.

⁶⁰ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 23–23 об.

⁶¹ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 47, л. 73 об.

⁶² РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 23 об.–24.

⁶³ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 47, л. 75.

⁶⁴ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 26–26 об.